

Правовой нигилизм и российская правовая культура: исторические корни и современный профиль¹

ОТТО
ЛЮХТЕРХАНДТ

Категория «правовая культура» используется мной в настоящем тексте не в нормативном, оценочном и характеризующем смысле, а в описательном и нейтральном ключе; тем самым я следую подходу моего уважаемого коллеги Петера Манковски, памяти которого посвящена моя статья². Материал охватывает и характеризует явления, в объективном и субъективном смысле определяющие правовой порядок, его институциональные элементы, основные характеристики, внешние эффекты, а также авторитет в глазах чиновников, социальных групп и граждан в целом. И государственные органы, и правовые институты, и группы населения различным образом и в разной мере влияют на национальную

- 1 Перевод выполнен по: LUCHTERHANDT O. *Rechtsnihilismus und weitere prägende Eigenheiten der Rechtskultur Russlands. Geschichtliche Wurzeln und heutiges Profil* [в печати]. Текст публикуется с любезного разрешения автора и издательства «MohrSiebeck GmbH & Co.KG» (Тюбинген, Германия), предоставленного «НЗ» в марте 2024 года. Названия разделов даны редакцией; статья печатается с небольшими сокращениями и редакционными примечаниями. Редакция и переводчик благодарят Марину Окуневу за помощь в подборе источников, упоминаемых в сносках.
- 2 См.: MANKOWSKI P. *Rechtskultur: Eine rechtsvergleichend-anekdotesche Annäherung an einen schwierigen und vielgesichtigen Begriff* // *Juristen Zeitung*. 2009. Bd. 64. № 7. S. 321–331; IDEM. *“Rechtskultur” – Annäherung*

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

*Отто Люхтерхандт
(р. 1943) – профессор
юридического факуль-
тета Университета
Гамбурга (Германия).*

правовую культуру. Значение всех перечисленных элементов зависит от того, насколько тесно они связаны в повседневной жизни с нормотворчеством, правоприменительной практикой, защитой прав граждан, соблюдением законодательства, исполнением судебных решений и контролем над ним. Депутаты парламента, судьи и адвокаты, ученые-юристы и административные работники, прокуроры и полицейские должны анализироваться иначе, чем просто граждане, не связанные с применением права каждодневно и соприкасающиеся с юридической системой лишь постольку, поскольку им приходится соблюдать и исполнять законы, которые санкционированы государством. Однако поведение всех без исключения лиц подвержено влиянию прошлого и направляется его мощными нарративами, избежать воздействия которых не способны даже те, кто критически воспринимает сомнительные стереотипы традиционной правовой культуры и стремится освободиться от них. Сказанное, затрагивающее все без исключения страны и народы, особенно важно для Российской Федерации и ее правовой культуры, вышедшей из царской империи и советского государства³.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Не случайно описания правовой культуры современной России, как правило, уходят в более или менее далекое прошлое. Эти изложения обращают внимание на социальные, экономические, политические и правовые явления, которые оставили особенно заметный и глубокий след в правовой системе, правосознании и повседневном поведении населения страны и, судя по всему, не утратили своего значения до сих пор. Одним из таких явлений, и сегодня заметно сказывающихся на правовой культуре, является укоренившееся негативное отношение к праву и правосудию, присущее многим группам и слоям. «Правовой нигилизм», как называют этот феномен в современной России, признается прискорбным наследием как царской, так и советской эпох. Так, в 2008 году, накануне избрания на президентский пост, на это сетовал Дмитрий Медведев:

an einen schwierigen Gegenstand // LUCHTERHANDT O. (Hrsg.). Rechtskultur in Russland: Tradition und Wandel. Münster: LIT Verlag, 2011. S. 5–17. (Петер Манковски (1966–2022) – профессор юридического факультета Университета Гамбурга, эксперт по международному частному и процессуальному праву, автор работ, посвященных сравнительному правоведению и правовой культуре. – Примеч. перев.)

- 3** Об этой преемственности см. также: УОРТМАН Р.С. *Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2004; КИРМЗЕ Ш. *Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Примеч. перев.

«Я неоднократно высказывался об истоках правового нигилизма в нашей стране, который продолжает оставаться характерной чертой нашего общества. Мы должны исключить нарушение закона из числа наших национальных привычек, которым наши граждане следуют в своей повседневной деятельности. Сделать так, чтобы оно не обогащало одних и не развращало других»⁴.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

«Правовой нигилизм», как называют этот феномен в современной России, признается прискорбным наследием как царской, так и советской эпох.

Термин «правовой нигилизм» был придуман не Медведевым; он появился в советской журналистике в начале перестройки, после политического прорыва, совершенного Михаилом Горбачевым на пленуме ЦК КПСС в январе 1987 года. В майском номере за тот же год о «правовом нигилизме» впервые заговорил журнал «Коммунист» – официальный орган ЦК КПСС, чтение которого для партийных руководителей было обязательным. За нарочито бессодержательным и неприметным заголовком его редакционной статьи скрывалась резкая, взрывная критика неадекватной правовой ситуации, сложившейся к тому времени, как полагали авторы материала, в государстве, экономике и обществе⁵. Необычным было то, что написавшие статью люди, явно принадлежавшие к реформаторскому крылу партии, в качестве основного недостатка правовой системы решительно выделили именно «правовой нигилизм»: по их мнению, это многогранное явление отличало всю эпоху господства советского права, красной нитью проходя от октябрьской революции до современности. Даже марксистско-ленинское учение об «отмирании права» на пути к коммунизму, которое в то время еще официально поддерживалось, не избежало критики: на него тоже возложили долю ответственности за правовой нигилизм, восторжествовавший в стране⁶. Редакционный материал сетовал на повсеместную правовую безграмотность, пренебрежение граждан законом, отсутствие у них интереса к действующим нормам, бытующие в обществе уничижительные суждения о юристах, негативное отношение к правоохранительным органам. Несмотря на упреки в адрес обывателей, статья не оставляла сомнений в том, что правовой нигилизм

⁴ См.: *Россия 2020: главные задачи развития страны* / Под ред. Г. Павловского. М.: Европа, 2008 (цит. по: Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020: Управление ростом» // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 7. С. 138. – Примеч. перев.).

⁵ *Учиться демократии, утверждать законность* // Коммунист. 1987. № 5. С. 3–14.

⁶ Там же. С. 10–12.

населения проистекает из правового нигилизма властей. Это была довольно необычная самокритика, отличавшая статью от предыдущих идеологических и политических материалов на ту же тему⁷. Позже выражение «правовой нигилизм» сделалось популярным клише перестроечной журналистики⁸.

Хотя основные причины этого явления усматривались в советской эпохе, его корни вскрывались также в особенностях государственной, социальной и правовой истории царской империи. Эта тема довольно часто затрагивалась историками не только за пределами России, сопоставлявшими российскую ситуацию с контекстами Центральной и Западной Европы, но и самими российскими авторами. Упоминаемые в их рассуждениях основные моменты, способствовавшие укоренению правового нигилизма, можно кратко резюмировать следующим образом⁹:

1. Влияние византийского интеллектуального мира и его понимания государства, основными характеристиками которого были симбиотическая связь между властью и церковью, а также теологически обоснованное дистанцирование православного христианства от права и его институтов¹⁰.

2. 250-летнее владычество татар («монгольское иго»), то есть чуждое господство, которое изолировало восточнославянский регион от западного христианского мира и надолго затормозило в нем общее развитие цивилизации по сравнению с Центральной и Западной Европой¹¹.

7 В последующие месяцы появились и другие статьи, написанные в том же русле, см., например: Туманов В.А. *О правовом нигилизме* // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20–27. Владимир Туманов был председателем Конституционного суда России (1995–1997) и судьей Европейского суда по правам человека в Страсбурге (1997–1998). Именно он первым подробно и системно описал феномен правового нигилизма.

8 См. обстоятельный обзор этой темы: Гулина О.Р. *Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России. Дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н.* Уфа, 2002. Автор диссертации работала помощницей профессора Марата Утяшева – заведующего кафедрой прав человека Института права Башкирского государственного университета, – подготовившего ряд работ по правовому нигилизму.

9 Пояснения, касающиеся отдельных пунктов нижеследующего перечня, можно найти в многочисленных обобщающих трудах по истории России, см., например: HELLMANN M., SCHRAMM G., ZERNACK K. (Hrsg.). *Handbuch der Geschichte Russlands. In sechs Bänden.* Leipzig: Hiersemann, 1981–2002. (Представленные автором характеристики исторического развития российского общества базируются на линейном восприятии истории, в рамках которого предположительно существуют «правильные» и «отклоняющиеся» траектории. Критическое осмысление стереотипов об «особом пути» России в сопоставлении с аналогичной концепцией германского *Sonderweg* см. в сборнике: «*Особый путь*»: от идеологии к методу / Сост. Т. АТНАШЕВ, М. ВЕЛИЖЕВ, А. ЗОРИН. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Примеч. перев.)

10 Об отстраненности Русской православной церкви даже от собственных догматически-правовых основ свидетельствует среди прочего тот факт, что каноническое право не изучалось в православных духовных академиях вплоть до начала XIX века, а его академическое изучение началось только во второй половине XIX века. Подробнее см.: Цыпин В. *Курс церковного права: учебное пособие.* Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 25–31.

11 Как представляется, влияние Орды на отечественную социально-политическую историю было гораздо более сложным, чем описывается автором. Подробнее см.: ГОРСКИЙ А.А. *Русь: от славянского расселения до Московского царства.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 188–274, 305–319; Он же. *Москва и Орда.* М.: Ломоносов, 2016; КАРГАЛОВ В.В. *Конец ордынского ига.* М.: Наука, 1984. – Примеч. перев.

3. Установление деспотического правления, основанного на чистом принуждении по татарскому образцу и сохранившегося даже после избавления от иноземного владычества. Отношения между правителем и подданными были организованы не как двусторонние, взаимные и правовые, а как односторонние, невзаимные и неправовые, определяемые сугубо милостью правителя, что в полной мере проявилось уже при становлении Московского централизованного государства¹².

4. Отсутствие собственности и сопутствующих ей прав у подавляющего большинства населения в лице крестьян, которые из-за утверждения института крепостного права отличались от рабов лишь диапазоном возможных свобод, но не своим статусом¹³.

5. Слишком позднее признание массы россиян субъектами права, то есть носителями прав и обязанностей, состоявшееся только с отменой в 1861-м крепостного права; лишь после русской революции 1905–1907 годов, в ходе столыпинских реформ, оно было подкреплено полным признанием индивидуального права собственности на землю¹⁴.

6. Зачаточное развитие буржуазного общества, структурно основанного на свободе личности и частной собственности, которое в силу своей ограниченной самостоятельности не смогло вплоть до самого крушения монархии создать противовес самодержавию.

7. Преимущественно негативное отношение к праву, которое демонстрировалось дореволюционной российской интеллигенцией, оппозиционной царизму¹⁵.

Давление этих факторов, влиявших на Россию при царизме, и их воздействие на правовую культуру до захвата власти большевиками становятся очевидными на фоне интеллектуальных,

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

- 12** Согласно одному из альтернативных мнений, воспроизводство абсолютистских практик, свойственных монгольской политической культуре, происходило не столько по причине завоевания Руси, сколько из-за суровых природных условий и демографического дефицита. См., например: Борисов Н.С. *Иван III*. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 562–608. – *Примеч. перев.*
- 13** Реалистичное изображение повседневного бесправия крепостных описано, в частности, Сергеем Аксаковым: Аксаков С.Т. *Семейная хроника* [1852] // Он же. *Собрание сочинений: В 5 т.* М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 55–260. (Реальное правовое положение крепостных было гораздо менее очевидным; подробнее об этом см., например: Долгих А.Н. *Проблема собственности в контексте правового положения владельческих крестьян России XVIII – первой половины XIX вв.* // *История: факты и символы*. 2021. № 4. С. 61–71. – *Примеч. перев.*)
- 14** См.: HELLMANN M., SCHRAMM G., ZERNACK K. (Hrsg.). *Op. cit.* [1983.] B. III («1856–1945»). 1 Halbband. S. 419 ff.; HELLER K. *Dominante Prägnungen der Rechtskultur in Russland: Der Blick des Historikers* // LUCHTERHANDT O. (Hrsg.). *Op. cit.* S. 37–64.
- 15** Подробнее см.: Кистяковский Б.А. *В защиту права (интеллигенция и правосознание)* // *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М.: Издательство В.М. Саблина, 1909. С. 97–126; SCHLÜCHTER A. *Recht und Moral. Argumente und Debatten “zur Verteidigung des Rechts” an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert in Russland*. Zürich: Pano Verlag, 2008. S. 15 ff. Пожалуй, самым ярким представителем (этически обусловленного) правового нигилизма был писатель Лев Толстой, подробнее см. об этом: OBERLÄNDER E. *Tolstoj und die revolutionäre Bewegung*. München; Salzburg: Pustet Verlag, 1965. S. 26 ff., 229 ff.; Туманов В.А. *Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе* // *Государство и право*. 1993. № 8. С. 52–58.

социально-политических и социально-экономических революций, состоявшихся в Центральной и Западной Европе со времен Средневековья и обошедших стороной Россию. В этом ряду важно упомянуть:

а) разделение духовной и светской власти со времен борьбы за инвеституру между императором и папой;

б) колоссальное прямое и косвенное влияние римского права на оформление института собственности – а также общее развитие права и общества – через многочисленные рецепции, растянувшиеся на столетия¹⁶;

в) интенсивное и масштабное городское развитие, сопровождавшееся становлением автономной и республиканской гражданской культуры¹⁷ (согласно известной поговорке, «сам городской воздух делает свободным»¹⁸);

г) Ренессанс и гуманизм;

д) Реформация, в которой интеллектуальные традиции Ренессанса и гуманизма сочетались с теологическим переосмыслением латинского христианства;

е) создание правовой доктрины, развивающейся вне теологии и церковного авторитета (так называемое «рациональное естественное право»);

ж) либеральные революции, в которых доминировали лозунги прав человека, частной собственности, разделения властей, а также обеспеченное этими революциями упрочение автономных буржуазных обществ;

з) развитие либеральной теории правового и конституционного государства (Джон Локк и Иммануил Кант) как теоретической основы, позволяющей возникнуть демократическому конституционному государству.

На этом фоне глубокой трагедией в развитии российской государственно-правовой системы стало то, что либеральные и умеренно-социалистические силы, пришедшие к власти в результате февральской революции 1917 года, не смогли прочно закрепить начатый ими переход к демократической республике и либеральной конституции, а вскоре уступили власть группе профессиональных революционеров-коммунистов. Последние

16 Римское право попало в поле зрения российских правоведов довольно поздно и не оказало существенного влияния на практическое развитие права. Подробнее см.: AVENARIUS M. *Fremde Traditionen des Römischen Rechts. Einfluß, Wahrnehmung und Argument des "römisches Pravo" im russischen Zarenreich des 19. Jahrhunderts*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. (См. также предшествующую обобщающую работу, написанную тем же автором и изданную по-русски: АВЕНАРИУС М. *Римское право в России*. М.: Academia, 2009. – *Примеч. ред.*)

17 В России городское развитие не производило подобного эффекта: FELDBRUGGE F. J. M. *A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 408, 417 f.

18 В полной версии поговорка звучит так: «Городской воздух делает свободным через год и один день» («*Stadtluft macht frei nach Jahr und Tag*»). Согласно практике, сложившейся в средневековом германском обычном праве, помещик имел право истребовать своего беглого крепостного из города в течение года, по истечении которого последний становился свободным от крепостной зависимости. – *Примеч. перев.*

же были полны решимости реализовать самую радикальную во всей мировой истории программу правового нигилизма – и, более того, сумели воплотить ее в жизнь. В условиях системы правления, установленной большевиками, правовой нигилизм приобрел в России уникальную и почти универсальную форму¹⁹. Сразу после октябрьской революции он постепенно, но неуклонно реализовался в пяти измерениях: теоретико-идеологическом, политическом, социально-экономическом, личностном и институциональном.

Во-первых, правовой нигилизм в виде теории отмирания государства лежал в основе марксизма-ленинизма, возведенного большевиками в ранг государственной идеологии. В качестве неотъемлемой части этой идеологии «научно» обосновывалось и официально преподавалось положение о том, что право, как и государство, в коммунистическом обществе будущего должны исчезнуть. На смену праву придут «правила коммунистического общежития» – основанные на глубокой убежденности общеобязательные нормы поведения сознательных трудящихся. Следовательно, до наступления эры «бесклассового общества» право оставалось лишь преходящим реликтом, обреченным на скорую гибель. В силу сказанного оно как совокупность ценностей, система правил и гарантия цивилизации было *ex ovo* делегитимировано – и идеологически деградировало.

Во-вторых, идеология марксизма-ленинизма и учение о диктатуре пролетариата поставили власть рабочего класса и политику его партии выше закона в принципе как в теории, так и на практике. Закон был превращен в послушного слугу меняющейся политической целесообразности. Главной функцией права в переходную социалистическую эпоху было объявлено подавление социальных и идеологических пережитков старого режима, осуществляемое правящим пролетариатом во главе с партией²⁰.

В-третьих, социально-революционная ориентация советской системы, основанная на идеологии марксизма-ленинизма, базировалась на уничтожении экономических и интеллектуально-культурных основ буржуазного среднего класса, медленно формировавшегося в поздний царский период, но к моменту революции еще слишком слабого, чтобы стать главной соци-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

19 См.: LUCHTERHANDT O. *Künftige Aufgaben der Ostrechtsforschung* // WGO. Monatshefte für Osteuropäisches Recht. 1996. № 38. S. 159–175. (В зарубежной науке есть и более взвешенная критика советской правоохранительной системы, см., например: Соломон П. *Советская юстиция при Сталине*. М.: РОССПЭН, 2008. – Примеч. перев.)

20 Перед социалистическим правом после победы пролетарской революции стояли в основном сугубо репрессивные задачи. В ходе строительства нового государства была добавлена хозяйственно-организационная функция. Кроме того, социалистическое право призвано было выполнять и вспомогательную культурно-воспитательную функцию. Подробнее см.: DAVID R., GRASMANN G. (Hrsg.). *Einführung in die großen Rechtssysteme der Gegenwart*. München; Berlin: C.H. Beck Verlag, 1988. Teil II.

альной опорой частной собственности и либерального правового мышления.

В-четвертых, путем изгнания, запугивания и террора представителей юридических профессий и объединяющих их институций (судов, профессиональных объединений, юридических факультетов и так далее) юридическая корпорация царской эпохи при переходе к советскому режиму была низведена до маргинального уровня. Новое поколение советских юристов проходило профессиональную подготовку и социализировалось в духе инструментального, пристрастного и обесценивающего понимания права.

В-пятых, после демонтажа старого режима правовые институты пришедшего ему на смену советского государства резко потеряли в качестве и стандартах с точки зрения теории, организации, компетенции, персонала и сразу же утратили связь с общеевропейскими правовыми традициями, которая только-только была налажена под занавес царской эпохи.

Интеллектуальные, социально-экономические и политические изменения, навязанные силой и террором, нашли характерное отражение в правовой системе СССР, созданной в деспотическое правление Иосифа Сталина. Они придали советской правовой культуре ряд выраженных, связанных и дополняющих друг друга характеристик, которые можно резюмировать нижеследующим образом²¹:

1. Лишение правовой системы субъектности и ее полная этатизация, ставшие неизбежными за десятилетия абсолютного верховенства и доминирования коллективного государственного интереса над индивидуальными интересами граждан²².

2. Политизация и идеологизация права.

3. Пропагандистская инструментализация права в целях идеологической индоктринации и воспитания людей в конформистском, патерналистском ключе.

4. Репрессивность права, которая усиливалась поэтапно – до полной брутализации законов, что в целом выражалось в смещении акцентов с частного на уголовное право.

5. Сворачивание дифференциации права и внедрение уравниловки при одновременном наращивании скрытых и административно обоснованных привилегий, предоставляемых социальной страте функционеров – так называемой «номенкла-

21 См.: LUCHTERHANDT O. *Künftige Aufgaben der Ostrechtsforschung*. S. 159–171.

22 Патерналистское восприятие государства населением, приписываемое российской управленческой и правовой культуре, выражается, в частности, в том, что в правосознании граждан доминируют социально-экономические права на государственные блага, а гражданские свободы играют лишь второстепенную роль. Ольга Гулина основывает свои утверждения на этот счет на широких социологических исследованиях, проведенных на Южном Урале и в Западной Сибири, в которых она участвовала лично. Их результаты показывают, что не более 10–15% россиян придают значение либеральным свободам, в то время как базовые социальные права, как и в советское время, большинством ценятся очень высоко (Гулина О.Р. *Указ. соч.*).

туре», которая структурно развивалась и укреплялась уже со времен Ленина²³.

6. Деэкономизация права через маргинализацию денег, упразднение частной собственности на средства производства (например на землю), замену рыночно-обменных отношений административным распределением товаров.

7. Воинствующий секуляризм права, то есть подавление и изгнание религии и основанных на ней моральных концепций из государственной и общественной сферы – с долговременными последствиями для частной жизни.

8. Бюрократизация права: в советской системе именно функционер, действующий от имени партии-государства, обычно сообщал гражданам – посредством административных актов и приказов, – что является «законом» и, следовательно, правом. Отсюда следовала минимизация роли судей и выносимых ими решений.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Предварительное замечание

Природа любой укоренившейся и развившейся правовой культуры такова, что она способна переживать даже резкие и революционные потрясения в государственной жизни, упорно продолжая жить хотя бы в отдельных частях нового государственно-правового порядка, избираемого нацией. Сказанное особенно верно для тех случаев, когда традиции правовой культуры не вступают в прямое и явное противоречие с новыми обстоятельствами, когда ставшие привычными ментальные стереотипы и процедуры выглядят политически нейтральными и совместимыми с утверждаемым порядком, а также когда они воспринимаются и оцениваются новыми правителями как вполне для них приемлемые и даже благоприятные. Перенос фокуса с Советского Союза на государства, ставшие его правопреемниками – и, в частности, на Российскую Федерацию, – способен снабдить нас богатым иллюстративным материалом по части преемственности правовой культуры²⁴.

Преемственность и прерывистость развития российского правопорядка и правовой культуры спустя три десятилетия

23 Подробнее см.: MEISSNER B. *Russland im Umbruch: der Wandel in der Herrschaftsordnung und sozialen Struktur der Sowjetunion*. Frankfurt am Main: Verlag für Geschichte und Politik, 1951. S. 3 ff.; Восленский М. С. *Номенклатура: господствующий класс Советского Союза*. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.

24 См. обстоятельный обзор российской правовой культуры в сборнике статей: NUßBERGER A. (Hrsg.). *Einführung in das russische Recht*. München; Berlin: C.H. Beck, 2010. S. 6 ff.

после исчезновения СССР создают весьма неоднородную картину. Прежде всего, нынешняя ситуация значительно отличается от той, которая наблюдалась в Советском Союзе²⁵. С одной стороны, к принципиальным новациям следует отнести становление рыночной экономики, соответствующую кодификацию гражданского права, современное коммерческое право, а также создание арбитражных судов, которые, кроме названия, не имеют ничего общего с органами государственного арбитража советской плановой системы. Среди других значительных нововведений должно быть упомянуто федеративное устройство с федеральной Конституцией и Конституционным судом на федеральном уровне, которое для российской правовой культуры стало совершенно новым явлением. Вместе с тем институциональные элементы преемственности и устойчивости представлены органами безопасности, прежде всего спецслужбами, армией и полицией, органами прокуратуры, следственного комитета и уголовно-исполнительной системы, а также судами общей юрисдикции по гражданским и уголовным делам.

Поскольку правовая культура государства и народа фокусируется на элементах правовой системы, несводимых к отдельным отраслям права, но затрагивающих структурные явления, выходящие за их пределы, в настоящем обзоре следовало бы системно рассмотреть все составляющие российской правовой системы – то есть законотворчество, правоприменение, судопроизводство и контроль, а также институты юридической науки и университетскую подготовку молодых специалистов-юристов. Однако столь всеобъемлющее изложение, несмотря на его желательность, превратило бы статью в полноценную монографию. Между тем я ставлю перед собой более скромную цель. Мне хотелось бы ограничиться обособлением и анализом некоторых особенно важных структурных элементов правовой культуры, а также описанием некоторых юридических процессов, которым в президентство Владимира Путина уделяется большое внимание не только в России, но и за рубежом.

Особенности законотворчества

Учитывая, что в современном мире государственные законы оказывают, пожалуй, наибольшее влияние на правовую культуру страны – причем как в положительном, так и в отрицательном ключе, – стоит начать с критического рассмотрения федерального законодательства. В сравнительной перспективе, сфокусированной на сложившемся демократическом, пра-

25 Этот вывод с очевидностью вытекает из резюме, которым Ангелика Нуссбергер завершает коллективное введение в российское право, изданное под ее редакцией (Ibid. S. 345).

вовом и конституционном государстве, в глаза бросаются те особенности юридико-технического характера, которые можно назвать слабыми местами российского законодательства. Ниже я привожу их перечень²⁶:

1. Сильная склонность к казуистике: нормативные акты перечисляют все возможные субъекты прав в качестве своих адресатов, причем это делается только для того, чтобы завершить список абстрактным определением адресатов – которого вполне хватило бы с самого начала.

2. Тяготение к формализму в сочетании с тяжеловесностью и многочисленными повторами: например, многократное упоминание «органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в каком-нибудь регламенте, который весьма краток по содержанию. В результате документы получаются неоправданно раздутыми, запутанными, трудночитаемыми и сложными даже для подготовленных читателей. Нежелание творцов правовых норм быть более краткими, чтобы облегчить понимание создаваемых ими текстов, ведет к тому, что в законах, указах и особенно постановлениях фигурируют слишком длинные и неудобоваримые заголовки.

3. Многократное воспроизведение ситуаций, когда законы регулируют простые и очевидные процедурные шаги, а второстепенные нормативные акты углубляются в детализацию, доходящую до педантизма. При этом нормы, наиболее значимые с точки зрения верховенства права и потому имеющие определяющее значение – например, затрагивающие полномочия властей по вмешательству в основные права человека, – рассматриваются очень бегло и крайне расплывчато. Неизбежными следствиями этого оказываются снижение нормативного эффекта и ослабление обязательной силы правовых актов, что приводит к расширению поля усмотрения тех, кто уполномочен их применять. Именно это служит основой широкого пространства произвольного правоприменения²⁷.

4. Особую проблему представляют неясности со вступлением в силу законов и подзаконных актов; подобное происходит в тех случаях, когда указана не конкретная дата вступления правового акта в силу, а только дата его опубликования. Среди прочего такие ситуации обусловлены сосуществованием различных институций официального опубликования, выпол-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

26 См.: LUCHTERHANDT O. *Der Gesetzgebungsprozess in Russlands Duma und seine prägenden Besonderheiten* // ИДЕМ (Hrsg.). *Op. cit.* S. 79–99. Этот анализ также основан на регулярных полугодовых обзорах правовых событий в России, которые автор совместно с Дмитрием Маренковым и Павлом Усватовым с 2016 года публикует в «Германо-Российском юридическом журнале»: DRRZ: Deutsch-Russische Rechtszeitschrift (<https://biblioscout.net/journal/drrz>).

27 Подробнее о причинах формирования широкой дискреции, используемой властными органами в контексте кризиса нормативности, см.: Корольков В.В. *О родовой травме российской правовой системы* // *Неприкосновенный запас*. 2023. № 5(151). С. 6–18. – *Примеч. перев.*

няющих свои функции в разные календарные даты, – при том, что законодатель не регламентировал действия в случаях, когда даты различаются.

5. Довольно многие законы страдают от того, что их положения становятся все более раздутыми из-за постоянно вносимых поправок. Дело усугубляется неуклюжей юридической техникой, подразумевающей наличие в статьях иерархически пронумерованных и ненумерованных частей, пунктов, подпунктов, нормативный материал в которых распределяется неравномерно. Такая практика характерна даже для важнейших законов, касающихся государственного устройства: в частности, этим недостатком страдают законы об избирательном праве, партиях, публичной власти в субъектах Федерации, местном самоуправлении, государственной службе и так далее.

6. Еще одно часто встречающееся явление – поверхностность и неточность, отличающие описание обязанностей по исполнению закона. В подобных ситуациях делается ссылка на соответствие другим положениям без указания их реквизитов, даже если они содержатся в том же самом законе. Распространены случаи, когда упомянутые обязанности регулируются не в самом законе, а в подзаконных нормативных актах исполнительной власти, которые еще не изданы. Неточности и путаница в положениях, регулирующих компетенции, часто приводит к тому, что ответственными за осуществление того или иного полномочия считают себя сразу несколько органов власти или учреждений. Порой это выступает основанием для конфликтов между ними, но бывает и так, что ни один из них не чувствует себя ответственным, из-за чего страдает все правоприменение.

7. Термин «законодательство», ставший в советское время привычным для обозначения не только законов, но и подзаконных актов исполнительной власти, сохранился до наших дней, фигурируя, в частности, в названии печатного органа, публикующего федеральные правовые акты: «Собрание законодательства Российской Федерации». В нем публикуются не только федеральные конституционные законы и федеральные законы, но и постановления Государственной Думы и Совета Федерации, указы и распоряжения Президента, постановления и распоряжения Правительства, а в приложении – еще и акты Конституционного суда. Конечно, такой подход практичен, но большинство обнародуемых подобным образом актов составляют не законы в материальном смысле (то есть не абстрактно-родовые положения – или, в российской терминологии, не нормативные правовые акты), а индивидуально-определенные акты, принятые органами публичной власти по конкретным вопросам.

8. Многие законы крайне запутанны из-за неиссякаемого потока поправок, *de facto* исходящих от Правительства и Администрации Президента. При этом, несмотря на частые поправки, в официальных источниках не принято публиковать исправленные новые промульгации соответствующих законов.

9. Учатившаяся практика принятия одним законом «о внесении изменений в отдельные законодательные акты» сразу нескольких поправок ко многим законам одновременно, что порой затрагивает обширные сферы жизни – например, оборот информации, банкротство компаний или правовое положение малых предприятий, – но из-за нейтрально сформулированного названия закона указанный факт остается незаметным для тех, кого закон может касаться.

10. Устойчивая склонность законодателя принимать отдельные законы для того, чтобы изменить несколько статей или даже одну статью какого-то законодательного акта. Особенно широко эта методика используется при внесении изменений в законодательство об административных правонарушениях и налоговое законодательство.

11. Необычайная частота внесения поправок, особенно в законы в области конституционного права, нацеленных на все более строгую или даже репрессивно-ограничительную регламентацию процедур, которые надлежит соблюдать административным органам и гражданам.

12. Фрагментация законодательства, выражающаяся в его довольно слабом проникновении в те сферы жизни, которые считаются нуждающимися в регулировании и системной упорядоченности.

Перечисленные особенности, характеризующие законодательство в формально-техническом плане, в своей совокупности оказывают негативное влияние на качество правовой культуры России в разрезе конституционных принципов демократии и правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). Во-первых, лингвистическая и редакционная сложность правовых норм зачастую затрудняет быстрый доступ к содержанию вновь принятых законов и четкое понимание их смысла. Во-вторых, частые изменения в законодательстве негативно сказываются на устойчивости правовой ситуации. В-третьих, из-за регулярного использования отсылок, которые зачастую остаются неопределенными (так называемых бланкетных норм), внедряемое законодателем регулирование остается неполным, в результате чего нормативный эффект и правоприменительная практика сильно страдают.

Рассматривая постсоветскую правовую систему в целом, следует отметить, что перечисленные особенности и недостатки неравномерно распределены по отраслям российского права.

Указанные нормотворческие недуги более заметны в конституционном и административном праве, то есть в публичном праве, но в меньшей степени обнаруживаются в коммерческом и гражданском праве, то есть в частном праве. В результате законы, регулирующие внутреннюю организацию государственного устройства на федеральном и региональном уровнях, а также общественные отношения между органами публичной власти, физическими и негосударственными юридическими лицами, обладают наименьшей степенью прозрачности и ясности, в то время как для сферы частного права такая отстраненность и нечеткость не типичны.

Нормотворческие недуги более заметны в конституционном и административном праве, то есть в публичном праве, но в меньшей степени обнаруживаются в коммерческом и гражданском праве, то есть в частном праве.

Особенности правоприменения по уголовным и административным делам

Одной из наиболее значимых особенностей российской правовой культуры выступает глубоко укоренившийся *обвинительный уклон* при рассмотрении уголовных и административных дел. Это явление структурно пронизывает всю правовую систему: законодательство, управленческую практику, работу правоохранительных органов. О нем свидетельствует содержание законов, регулирующих основные демократические и иные публично-политические права, а также зачастую избыточно суровые действия полиции, прокуратуры и уголовных судов²⁸.

В последние десятилетия применение уголовных санкций достигло уровня, превосходящего даже позднесоветский брежневский период и свидетельствующего об отказе от либеральной уголовно-правовой политики ельцинской эпохи. Сказанное можно подтвердить следующими цифрами: 31 декабря 2003 года, то есть в конце первого президентского срока Путина, Особенная часть Уголовного кодекса России, вступившая в силу в 1996-м и реформированная «с нуля», состояла из 260

28 Подробнее см.: LUCHTERHANDT O. *Fortschreitende Aushöhlung des Grundrechts der Versammlungsfreiheit gemäß Art. 31 der Verfassung Russlands* // Mitteilungen der Deutsch-Russischen Juristenvereinigung e.V. 2012. № 54. S. 4–22.

статей (составов преступлений). Сразу после этого их число резко пошло вверх, достигнув 440 статей к 31 июля 2023 года. Учитывая, что персоналистский режим неуклонно ужесточается с 2012 года, а его политика стала еще более суровой с началом конфликта на территории Украины, количество уголовных составов, вероятно, продолжит разрастаться и дальше.

Еще более заметный рост наблюдается в отношении менее общественно-опасных составов административных правонарушений. Если в Особенной части нового Кодекса об административных правонарушениях, вступившего в силу 1 января 2002 года, 31 декабря 2006-го насчитывались 350 составов административных правонарушений, то к 31 декабря 2020-го их число выросло до 780 – более, чем в два раза. Причем расширение составов правонарушений, запрещенных уголовным законодательством, не позволяет видеть в появлении новых административных составов декриминализацию отдельных уголовных составов. Хотя подобный реформистский подход действительно был важен для российских властей в недалеком прошлом, действующая власть окончательно отказалась от него, оставаясь в традиционном русле обвинительного уклона.

Здесь уместно упомянуть еще об одной особенности российской правовой культуры, полностью сочетающейся с отмеченным обвинительным уклоном: о крайней редкости оправдательных приговоров в уголовном процессе. По официальным данным Следственного комитета, в 2013 году по уголовным делам были осуждены 331 882 человека, а оправданы всего 1857²⁹. В 2017 году показатели еще больше разошлись в разные стороны: около 698 000 человек были осуждены и только 1600 оправданы³⁰. Иначе говоря, и без того крайне низкий показатель в 0,4% снизился вдвое – до 0,2%.

В то время как руководство федеральных следственных органов простодушно объясняет крайне низкие показатели оправдательных приговоров квалифицированной работой следователей, критики внутри и за пределами России в первую очередь указывают на зависимость решений по уголовным делам, где доля оправдательных приговоров близка к нулю, от органов обвинения. Вероятно, сторонники такого подхода ближе к истине, поскольку опираются на многочисленные сообщения, в том числе и СМИ, о некомпетентности следственных органов, в отдельных случаях выражающейся в их готовности фальси-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

29 См.: Маркин: в России 0,4% оправдательных приговоров (www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia) [Доступ к ресурсу, на который ссылается автор, с 4 марта 2022 года заблокирован Роскомнадзором. – Примеч. ред.].

30 Подробнее см.: Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже // РБК. 2018. 25 апреля (www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377).

фицировать материалы дел, искажать факты и манипулировать доказательствами, воздействовать на свидетелей и запугивать подозреваемых и их родственников, преследовать непричастных и невиновных, фабрикуя обвинения и претензии³¹. Приводимые выше цифры отражают разрыв между органами, осуществляющими предварительное расследование, и судом, который, как может показаться, зачастую действует в лучших традициях советских времен. В целом же обвинительный уклон – действительно одно из главных наследий советской эпохи. Прикрываясь превентивной функцией социалистического государства по искоренению «пережитков» капитализма, связанного с ним буржуазного индивидуализма и погоней за прибылью, он до самого конца Советского Союза оставался официальной судопроизводственной доктриной марксизма-ленинизма³².

В Российской Федерации, которая, согласно нынешней кремлевской линии, является уже не «правопреемником», а «продолжателем» СССР, главным объектом государственного контроля и преследования правоохранительных органов оказывается недавно оформившийся слой успешных частных предпринимателей. Утверждение гегемонии государственного аппарата над воссозданной рыночной экономикой и структурами гражданского общества оборачивается тем, что функционеры, прежде всего из силовых и финансовых органов, нередко злоупотребляют своими контрольными полномочиями. Это не раз приводило к обвинению успешных компаний в предполагаемых преступлениях, проведению обысков в их офисах, изъятию рабочей документации в качестве доказательств, заключению предпринимателей и владельцев предприятий под стражу до суда. Бывает и так, что, оказавшись перед лицом экономического краха, предприниматели соглашались передать хотя бы часть своего бизнеса конкурирующим компаниям, на деле сотрудничающим с лицами, которые связаны с сотрудниками спецслужб. Если же они отказываются это сделать, поскольку считают, что достаточно сильны, чтобы выиграть сфабрикованное уголовное дело, то вступают на путь, который обычно заканчивается вынесением обвинительного приговора – и, как следствие, потерей свободы и собственности.

31 См., например, дело Сергея Юринсона, рассматривавшееся в Приморском крае в 2016–2017 годах и исследованное Вероникой Малининой, которое во многих отношениях кажется показательным: <http://nadzor.org/category/delo-yurinsona-s-g/>.

32 Более глубокое изучение вопроса ставит под сомнение столь простую связь между описанной негативной практикой и государственной идеологией и позволяет говорить о том, что за ней могут стоять более сложные причины. Как отмечает Питер Соломон (Соломон П. *Указ. соч.* С. 354–385), обвинительный уклон в советском уголовном процессе возник на рубеже 1940–1950-х из-за изменившейся практики оценки работы госслужащих: благополучие возглавлявших правоохранительные органы бюрократов стало напрямую зависеть от того, будут ли пересматриваться вынесенные с их помощью решения. Есть основания полагать, что за возвращением обвинительного уклона в современную практику могут стоять схожие причины. – *Примеч. перев.*

Интересно, что в качестве ключевых свидетелей подобных противоправных махинаций можно сослаться на президентов Российской Федерации Владимира Путина и Дмитрия Медведева. С начала 2000-х и по сегодняшний день они оба неоднократно обличали и решительно осуждали такую практику, наносящую огромный ущерб экономике, инвестициям, собственности и деловому климату, а также вносили предложения по борьбе с ней в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию. Уже в первом таком выступлении, состоявшемся в 2000 году, президент Путин пообещал «освобождение предпринимателей от административного гнета»³³. В следующем году он упрекал государственных служащих в том, что они заинтересованы исключительно в «статусной пенсии» и используют взятки и нецелевое расходование средств для расширения своих полномочий³⁴. В 2003-м он повторил эти обвинения³⁵, а в 2005-м обрушился на государственных служащих в еще более резких выражениях:

«Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас – просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса. И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению»³⁶.

Первоначально президент Путин связывал свои надежды на перемены с радикальной реорганизацией государственной службы и государственного аппарата, которые практически не изменились с советских времен. Однако административная реформа Дмитрия Козака, реорганизовавшая центральные органы власти и пересмотревшая их компетенции, привела к хаосу в специализированных министерствах – за исключением федеральных органов безопасности – и вскоре была свернута³⁷. Президент Медведев, представляя себя сторонником преобразований, тем не менее не предпринял новой попытки административной реформы, хотя и продолжал критиковать враждебное отношение госаппарата к экономике:

33 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года* (www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480).

34 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36350).

35 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36352).

36 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36354).

37 Возможно, именно поэтому Путин обошел эту тему вниманием в своих посланиях Федеральному Собранию в 2006-м и 2007 годах.

«Государственная бюрократия по-прежнему, как и двадцать лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически “кошмарит” бизнес – чтобы не сделал чего-то не так. Берет под контроль средства массовой информации – чтобы не сказали чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс – чтобы не избрали кого-нибудь не того. Давит на суды – чтобы не говорили к чему-нибудь не тому. И так далее. В результате государственный аппарат у нас – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии»³⁸.

Если Медведев пытался эффективнее защитить предпринимателей от неправомερных репрессивных мер, ужесточив борьбу с коррупцией и либерализовав уголовное законодательство, то Путин с началом своего третьего срока в 2012 году предпринял попытку кардинальной реформы всей системы управления. В ряду принципов, «ключевых для новой модели госуправления», главой государства было упомянуто следующее:

«Адекватная мотивация государственных муниципальных служащих: конкурентная оплата их труда, система моральных, материальных, карьерных поощрений, стимулирующих непрерывное улучшение работы госаппарата. [...] Должна быть кардинально повышена персональная ответственность, вплоть до временной дисквалификации. Это означает, что нерадивый чиновник не только может и должен быть отстранен от занимаемой должности, но ему должно быть запрещено какое-то время заниматься этим видом деятельности»³⁹.

Однако оба президента не добились радикальных успехов в предпринятых начинаниях. В своем послании от 20 февраля 2019 года Путин сказал:

«Чтобы добиться тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативы предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания. Уже обращал внимание на эту проблему в одном из Посланий,

38 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 года* (www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968).

39 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36699).

приводил соответствующие цифры. Ситуация, к сожалению, не сильно изменилась»⁴⁰.

Федеральный закон от 2020 года об основах контрольно-надзорной системы, в которой заняты более миллиона человек⁴¹, едва ли сможет существенно изменить ситуацию. Перемены видятся не слишком вероятными, поскольку сложившийся в стране политический режим основан на президентской исполнительной власти, которая доминирует над другими ветвями власти, минимизировала многие демократические и конституционные механизмы контроля, маргинализировала независимые СМИ (за исключением изолированных остатков), вытеснила автономные организации гражданского общества. Соответственно, природа подобной системы такова, что ее представители и функционеры, сталкиваясь с гражданами, всегда будут испытывать глубоко укоренившееся недоверие и страх перед непредсказуемым духом свободы, в той или иной степени живущим в любом обществе. Историческое наследие российской правовой культуры по-прежнему напоминает о себе.

Перевод с немецкого Вадима Королькова

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

40 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 20 февраля 2019 года (www.kremlin.ru/acts/bank/44032).

41 Речь идет о кодифицированном Федеральном законе от 31 июля 2020 года «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007).

